

6 - ОКТ 1976

С. Рига

КНИЖНАЯ ПОЛКА «СМ»

ПОСВЯЩЕНИЕ В МУЗЫКУ

КОГДА-НИБУДЬ В ЗАЛЕ КОНЦЕРТНОЙ
МНЕ БРАМСА СЫГРАЮТ...

Б. ПАСТЕРНАК.

Что из того, что мы уже слышали все это? Брамса мы ведь тоже слушали не единожды. А все-таки снова и снова тянет в концертный зал...

Так и с этой книгой. Если заглянуть в оглавление, то все окажется знакомым: и воспоминания о Соллертинском, и ода Улановой, и рассказ о странной судьбе вальса Арбенина, и разгадка тысячелетней тайны грузинской нотописи. Но не надо смотреть в оглавление. В этой книге — не надо.

...Мне было семь лет, когда мать, применив меры принуждения, взяла меня с собой на симфонический концерт. Зал филармонии пугал яркостью ламп, разнообразием звуков настроившихся инструментов, странным выражением лиц взрослых людей, словно готовившихся к чему-то необычному, таинственно-му...

С тех пор прошло немало лет, а я так же, как названия своих первых школьных книг, вижу перед собой эту программу: Пятая симфония Чайковского, концерт для скрипки с оркестром Танеева. Я помню, что мне было страшно. Звучала музыка, как незнакомый язык с незнакомой планеты, лица людей казались совсем чужими, потому что они, эти люди, думали, как я сейчас понимаю, каждый о своем — о недавно закончившейся войне, о своих утратах, которые никто и никогда не сможет им возместить, о любви, которая была отнята у них четырьмя годами военной грозы, о детях, которые никогда уже не смогут слышать никакой музыки... Да мало ли о чем могли думать люди в 1947 году, неуютном, голодном и трудном...

Мне казалось, что я давно и прочно забыл этот концерт. А выяснилось, что помню его до мелочей. И для того, чтобы это узнать, мне нужно было всего лишь открыть книгу Ираклия Андроникова «К музыке».

«ВЕЧЕР. Переполненный зал. Сверкание люстр. Взмолванный и сосредоточенный дирижер становится во главе оркестра, чтобы передать свое ощущение Чайковского, его музыки, его мира... Впрочем, так и должно быть с великим произведением, которое останется жить в веках, отвечая любому времени именно в силу того, что ответило своему и стало его выражением».

Я спрашиваю себя: почему, откуда берется у художника нелегкое право так свободно говорить высокими словами? Читаю Андроникова и нахожу ответ: это право человека, одержимого любовью и знаниями невероятного масштаба. Как легко переходит он от Тютчева к Теофилю Готье, от Полины Виардо к Рахманинову, как свободно и изящно вспоминает он вдруг письмо Шаляпина, отправленное Горькому на Капри! Иногда его речь настолько насыщена терминами, ссылками, неожиданными выводами, что кажется: трудно, очень трудно разобраться во всем этом. Но даже если вы не кинетесь

к справочникам, не зароетесь в словари, все равно вас никогда уже не покинет чувство счастья от этого удивительного общения.

У меня по прочтении этой книги осталось впечатление, которое возникает после какого-то серьезнейшего — одного из немногих в жизни — разговора. Того самого, который, может быть, и не вспомнишь дословно, но с тобой всегда будет чувство, что это было одним из самых важных событий в твоей жизни.

И, наверное, не один читатель, вспоминая это общение с книгой Ираклия Андроникова о музыке, сможет повторить слова Лермонтова: «Тут между нами начался один из тех разговоров, который на бумаге не имеет смысла, который повторить нельзя, и даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере».

Да, да, эта книга музыкальна. Двадцать шесть тем двадцати шести рассказов сливаются в одной, самой главной — теме величия и высокого благородства Музыки.

А это удивительно вольное обращение с временем! Вы переворачиваете страницу и совершенно естественно, легко, без всяких усилий оказываетесь в середине XIX века, в доме известного мецената графа Михаила Юрьевича Вильгельмского. Вы видите Листа, шагающего по галерее под ручку с толстопузым графом, который медленно движется, вращая огромными выпученными глазами в завитом кудрявом парике. Худошавый, сутуловатый Лист с огромной белокурой гривой... Лист смотрит на часы, подходит к эстраде и начинает играть увертюру «Вильгельма Теля».

Вот так вот все просто. И потом долго нельзя отделаться от впечатления, что ты не стоял рядом с толстяком-графом, слушая божественную игру Ференца Листа.

Вы все еще в доме никогда ранее не знакомого вам мецената, но... страница перевернута.

9 августа. Знойный полдень. Голодный, застывший в напряжении Ленинград. За пультом концертного зала филармонии Карл Ильич Элиасберг. Звучит Седьмая симфония Шостаковича. И тема нашествия, которую сейчас, наверное, знает каждый школьник, была обращена ко всем сидевшим в зале, к их сердцам, исполненным страдания и гнева...

Эта книга невелика по объему. И прочитать ее можно за несколько часов. Но в ней звучит музыка! И это значит, что чтение затянется надолго, и удовольствие, которое испытает читатель, будет длительным и ни с чем не сравнимым счастьем общения с подлинным искусством.

Если вы, конечно, достанете эту книгу. Если нет — попросите у знакомых. Они должны поделиться с вами. Это очень важно: поделиться радостью.

И. МУРОМЦЕВ.